
ЭПИЛОГ

Февраль 1920 года. Харбин. Маленький православный собор наполнен народом. Свечи, ладан. Торжественные и печальные напевы панихиды.

— Об упокоении души раба Божия, новопреставленного воина Александра...

Среди молящихся много тех, кто еще недавно видел его в Омске, говорил с ним, работал с ним.

«Эпилог. Грустное завершение целого периода истории русской революции, какая-то новая грань, какой-то новый предел...» — писал профессор Н. В. Устрялов¹.

Панихидные напевы в те дни раздавались и в Чите. Там молились за упокоение душ воинов Александра и Владимира. Узнав о гибели верховного правителя, «каппелевцы» не стали штурмовать Иркутск. Они прошли мимо него, дошли до Байкала, перешли его по непрочному льду и в конце февраля вошли в Читу. Дошло около 12—15 тысяч солдат и офицеров. Как ни удивительно, но нашли в себе силы одолеть великий поход и некоторые женщины и дети². Сколько их, неизвестно. Большинство же беженцев либо отстали в пути, либо погибли.

После расстрела Адмирала Анна Васильевна впала в депрессию, почти ничего не ела, отказывалась от прогулок, пыталась отравиться. Между тем Чудновский, продолжавший свои «следственные действия», навещал ее в камере чуть ли не каждый день, задавал вопросы, не получал на них ответов и вновь задавал. Эти допросы едва не закончились для него очень плохо. Однажды, как рассказывали в тюрьме, после какой-то его реплики Анна Васильевна вдруг бросилась на него, схватила за горло и с неожиданной силой стала душить. Начальнику тюрьмы и его помощнику с трудом удалось его вызволить, уже хрипевшего³.

Существует еще один устный рассказ, ставший достоянием историков.

Однажды темной, безлунной ночью Анна Васильевна была выведена из тюрьмы в составе группы заключенных, направленных на расстрел. Она шла в последних рядах с краю. Из-за темноты в группе случилось замешательство, все встали. И в этот момент стоявший рядом с Анной Васильевной человек сильно ее толкнул. Она упала в канаву, в глубокий снег. Пока выбиралась, группа уже ушла. Так она избежала смерти и оказалась на свободе⁴.

В 1922 году она вышла замуж за В. К. Книпера, инженера-строителя. Вскоре последовали новые аресты, ссылки, заключения. Она прошла через тюрьмы Иркутска, Новониколаевска, Москвы, Ярославля, лагеря Забайкалья и Караганды, ссылалась в Тарусу, Завидово (105 километров от Москвы), Рыбинск, Енисейск и другие места. Самая длительная «посадка» продолжалась с 1939 по 1946 год. Но в 1949 была вновь арестована и сослана. Окончательно обрела свободу только в 1954 году. В промежутках между арестами работала библиотекарем, дошкольным воспитателем, архивариусом, чертежником, ретушером, картографом, вышивальщицей, маляром, бутафором и художником театра (Рыбинск), перебивалась случайными заработками. В 1960 году переехала в Москву, жила на Плющихе, добрые люди выхлопотали ей пенсию⁵. Снималась в массовых сценах на «Мосфильме», когда там требовались «благородные старухи» (например, княгиня с лорнетом на балу в «Войне и мире»). Анна Васильевна скончалась 31 января 1975 года на 82-м году жизни, пережив двух мужей, единственного сына и того, кто стал ее судьбой, — А. В. Колчака.

С. Н. Тимирев весной 1920 года уехал из России. Одиноким жил в Шанхае, плавал на коммерческих судах и умер в 1932 году в возрасте 57 лет.

В 1942 году умер второй муж А. В. Тимиревой.

Судьба ее сына, Владимира Сергеевича, особенно трагична. В 1922 году он был перевезен матерью в Москву, здесь же закончил школу, учился в Московском архитектурно-конструкторском институте, стал художником-анималистом, оформлял книги для детей. В 1934 году состоялась единственная прижизненная выставка его работ. В 1938 был арестован, при обыске у него изъяли антикварное оружие: шпагу, кинжал и кремневый пистолет. В следственном деле фигурировал как «пасынок Колчака», хотя вряд ли когда его видел. В мае 1938 года его расстреляли⁶. Ему было всего 23.

С. Ф. Колчак, жившая с сыном в Париже, первое время после гибели мужа испытывала сильную нужду. Но на помощь пришли старые друзья покойного Адмирала: его това-

рищ по выпуску С. С. Погуляев, М. И. Смирнов, генерал А. Нокс и полковник Дж. Уорд, ставшие членами английского парламента (от разных партий). Проявили морскую солидарность английский адмирал Холл и французский Лакказ (бывший морской министр). С их помощью Софье Федоровне удалось дать своему сыну хорошее образование. В 1931 году он окончил Высшую школу дипломатических и коммерческих наук. В 1939 году Ростислав Александрович был призван во французскую армию, сражался в ее рядах, был в немецком плену. Всю жизнь он очень интересовался всем, что касалось его отца, дорожил его памятью.

Софья Федоровна скончалась в 1956 году и похоронена на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. Ростислав Александрович, не обладавший крепким здоровьем, умер в 1965 года в возрасте 55 лет. У него остался сын Александр Ростиславович, ныне здравствующий⁷.

Теперь надобно сказать несколько слов о дальнейшей судьбе некоторых героев, антигероев и персонажей настоящего повествования.

Н. Н. Коломейцев служил в Добровольческой армии и в Вооруженных силах Юга России, командовал отрядом ледоколов Черноморского флота (дело знакомое для бывшего командира «Ермака»). Эмигрировал во Францию, состоял вице-председателем Союза георгиевских кавалеров. В годы оккупации жил в Париже. Но человек он был невезучий. 6 октября 1944 году, когда Париж был уже освобожден союзниками, он попал под колеса американского грузовика⁸.

А. А. Бялыницкий-Бируля стал известным зоологом, профессором Ленинградского университета, был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. Содействовал организации Зоологического музея и был его директором. В 30-х годах побывал в ссылке, вернулся и умер в своем родном Ленинграде в 1937 году.

Н. А. Бегичев участвовал в нескольких полярных экспедициях и умер в одной из них. Его неопубликованные записки, к сожалению, были скомпрометированы недобросовестным исследователем Н. Я. Болотниковым, который в своей книге буквально вывернул их наизнанку⁹. После этого исследователи не обращались к его запискам, считая, что наперед известно, что там написано. В. В. Синюков, например, полагает, что Бегичев «искажал многие факты, события и роль участников экспедиции, зачастую выдвигая себя на первый план и почти не упоминая А. В. Колчака»¹⁰. Ясно, что автор приведенных слов читал Болотникова, но не читал записок Бегичева.

И. И. Ренгартен, автор хроники войны на Балтике, из которой мы узнаем очень много о Колчаке, в годы Гражданской войны преподавал в Морской академии, сотрудничал в Морской исторической комиссии и умер от тифа, заразившись им в вагоне, возвращаясь из Москвы в Петроград¹¹.

А. Д. Бубнов, представитель известной военно-морской фамилии, служил начальником штаба Черноморского флота у белых, затем эмигрировал. Оказывал помощь югославским властям в создании Высшей военно-морской школы. Написал ряд фундаментальных трудов в области морского дела и умер в 1963 году в Югославии¹².

С 20 по 30 мая 1920 года в здании железнодорожных мастерских в Омске проходил суд над членами Российского правительства. Из 22 обвиняемых перед судом предстали только четыре министра: А. А. Червен-Водали — внутренних дел, П. И. Преображенский — просвещения, Л. И. Шумиловский — труда и государственный контролер Г. А. Краснов. Остальные были товарищами министров или чиновниками рангом ниже.

Накануне суда состоялось совместное заседание Сибирского бюро ЦК РКП(б) и Сибревкома. И. Н. Смирнов, сказав, что «этот процесс явится большим политическим митингом», поставил вопрос, надо ли применять ко всем подсудимым высшую меру наказания. И. П. Павлуновский, назначенный председателем суда, считал целесообразным поступить именно так с тем, чтобы Сибревком потом кому-то смягчил наказание. Е. М. Ярославский (Губельман) предложил применить смертную казнь к трем четвертям подсудимых. Смирнов не согласился ни с тем, ни с другим. «Ведь это будет суд, а не сплошной террор, — разъяснил он. — Необходимо, чтобы суд оставался судом». В итоге решили, что высшая мера наказания возможна, но коллективное ее применение нецелесообразно. К смертной казни были приговорены Червен-Водали, Шумиловский, Ларионов и А. К. Клафтон (последний в правительстве занимал скромный пост, но был видным членом кадетской партии и богатым человеком). Остальные были осуждены на различные сроки тюремного заключения вплоть до пожизненного. 27 июня все четверо были расстреляны¹³.

Атаман Сибирского казачьего войска П. П. Иванов-Ринов отступал с армией до Красноярска. Там, увидев, что дело совсем плохо, он дезертировал, скрывался два месяца в Красноярске, а затем по подложному паспорту уехал в Харбин. Жизнь в эмиграции ему не понравилась, и он начал налаживать связи с советской разведкой. Потом, ввиду угрозы

разоблачения, бежал и после ряда приключений в 1926 году вернулся в Советскую Россию. Дальнейшая его судьба неизвестна¹⁴. Скорее всего, он был расстрелян.

Когда Советская армия в 1945 году заняла территорию Маньчжурии, были захвачены и депортированы в Москву атаман Г. М. Семенов и бывший министр финансов И. А. Михайлов. По приговору Военной коллегии Верховного суда они были казнены в один день — 30 августа 1946 года¹⁵.

С. Н. Войцеховский был арестован в Праге 11 мая 1945 года. Умер в лагере под Тайшетом 7 апреля 1951 года в возрасте 67 лет¹⁶.

М. К. Дитерихсу приписываются следующие слова: «Расстрел Колчака справедлив, это надо было бы сделать, если бы он мог прибыть в Верхнеудинск»¹⁷. Возможно, Дитерихс не говорил такое, но он вроде бы и не опроверг это высказывание, хотя оно широко разошлось еще при его жизни (он умер в октябре 1937 года в Шанхае). Только французы, имевшие отношение к выдаче Колчака, подхватили эту фразу. Дитерихс не был чужд русской эмиграции, но эта его позиция, обусловленная чисто личными причинами, оказалась ей чужда.

Несколько слов надо сказать о первом биографе А. В. Колчака — Сергее Абрамовиче Ауслендере (1886—1943). Он был сыном народовольца А. Я. Ауслендера, умершего в ссылке в Сибири вскоре после его рождения. По матери, ярославской дворянке, доводился племянником поэту М. А. Кузмину, своему литературному учителю. Другим его учителем был Н. С. Гумилев. Но в отличие от них Ауслендер писал исключительно прозу — рассказы, пьесы, критические статьи. Печататься начал в 1905 году, когда ему было 19 лет. В 1908 году вышел первый сборник его рассказов — «Золотые яблоки». Критика отмечала «кабинетную романтику» и «книжное вдохновение» автора. Любимыми его героями были «мечтатели и поэты», которых он противопоставлял «дельцам»¹⁸.

Оказавшись в Омске и по роду журналистских своих занятий соприкоснувшись с Колчаком, он и в нем разглядел черты «неустанного мечтателя и закаленного бойца». А потому брошюра о Колчаке была написана вовсе не в силу заказа (хотя таковой, несомненно, был), а как воплощение творческого замысла. Потому и дух романтики, патетические обороты, свойственные вообще его писательской манере, выглядят в ней естественно и уместно:

«Адмирал! О нем ходят уже легенды. Его имя уже давно повторяют кто с пламенной надеждой, кто со смертельным страхом.

Жизнь его, наполненная сражениями и упорными трудами, жизнь моряка и реформатора Русского флота, становится достоянием истории, и я, с детства влюбленный в старые книги с выцветавшими гравюрами, на которых я тоже видел такие опаленные внутренним пламенем, изысканно тонкие лица далеких победителей, я не могу не развернуть книги наших фантастических дней и не сделать краткой записи жизни одного из замечательных наших современников»¹⁹.

Как ни странно, по совокупности фактов и по логике их изложения брошюра Ауслендера сильно напоминает иркутский «Допрос» Колчака. Видимо, автор лично беседовал с верховным правителем и записывал буквально с его слов. А Колчак на допросе уже во многом воспроизводил прежний свой рассказ — в расширенном варианте. Но Ауслендер, как видно, беседовал не только с ним, но и с некоторыми людьми, более или менее близко знавшими его и в прежние годы, в основном с моряками. Из их рассказов, например, перекочевала в брошюру известная уже нам легенда, связанная с прибытием Колчака в Севастополь.

По окончании Гражданской войны Ауслендер поселился в Москве и вновь занялся литературным трудом. Теперь он писал для детей — о бунтарях и революционерах, наших и зарубежных. В 1928 году успел издать пятитомное собрание своих сочинений. Но печататься становилось все труднее. Последняя его книга вышла в Саратове в 1936 году. Это была пьеса для детей «Мальчик-невидимка». В 1937 он был арестован, а 3 января 1943-го — расстрелян. Ныне, к сожалению, его творчество почти забыто.

Что же касается иркутского допроса, то в 1923 году его стенограмма была опубликована в издававшемся в Берлине под редакцией И. В. Гессена «Архиве русской революции» (том X). Как попал к Гессену этот документ, остается загадкой. Эта публикация подтолкнула советские власти к ответной публикации, и в 1925 году в Ленинграде, под редакцией и с предисловием известного нам К. А. Попова, была издана книга «Допрос Колчака». Издатели настаивали на том, что именно они представили читателю «единственно точное и достоверное воспроизведение подлинных протоколов». Однако сличение текстов обеих публикаций обнаруживает лишь небольшие расхождения. Практически исследователи вправе пользоваться и тем и другим изданием. Надо лишь помнить, что «Архив русской революции» опубликовал направленные стенограммы, многие фамилии даются с искажениями, да и сам верховный правитель не всегда был точен в изложении фактов своей жизни.

В белой эмиграции, особенно в Китае и особенно среди офицерства, имя «белого Адмирала» было овеяно легендами:

И умолкает командир полка,
И слышен ветра делается шорох.
И облик Адмирала Колчака
(Иль тень его!) всплывает в наших взорах²⁰.

7 февраля 1921 года, в годовщину расстрела верховного правителя, парижская эмигрантская газета «Общее дело» дала о нем подборку статей, в том числе двух замечательных наших писателей — И. А. Бунина и А. И. Куприна.

В статье Бунина говорилось: «Настанет время, когда золотыми письменами, на вечную славу и память, будет начертано Его имя в летописи Русской Земли».

В этом же духе высказался Куприн:

«Я благоговейно верю рассказу о том, что Колчак отклонил предложенные ему попытки к бегству. Моряк душою и телом, он — по неписаному величественному морскому закону, — остался в качестве капитана, последним на палубе тонущего корабля.

Но если когда-нибудь, очнувшись, Россия воздвигнет ему памятник, достойный его святой любви к родине, то пусть начертает на подножии горькие евангельские слова: *“И враги человеку домашние его”*.

Действительно, ведь Колчака, патриота и неутомимого работника на благо России, погубили не внешние недруги, а свои, «домашние» люди: большевики, эсеры, партизаны, атаманы... Чехи и Жанен лишь воспользовались моментом, чтобы свести с ним счеты. И войну с большевиками он проиграл вовсе не оттого, что будто бы был неспособен или были совсем бездарны его генералы. Но потому, что либо им, либо его предшественниками был упущен момент, какой-нибудь месяц или менее, а потом большевики уже сумели использовать более значительные людские ресурсы и экономический потенциал контролируемой ими территории.

В СССР, едва ли не до самого его распада, имя Колчака замалчивалось или же упоминалось в «разоблачительном» контексте. В 1924 году остров Колчака (название, данное Толлем) был переименован в остров Расторгуева (каюра, который не выполнил данное Толлю обещание вернуться в экспедицию, прельстившись на более выгодное предложение). И лишь в наши дни справедливость восторжествовала, и острову было возвращено прежнее его имя.

Ныне Колчак возвращается в Россию, и ему уже ставят памятники. Но возвращение одного не означает изгнание

другого. Белые и красные в России должны уживаться. Тем более что и тогда они не были абсолютными антиподами. Колчак всегда был государственным. Большевики стали жесткими государственным, оказавшись у власти. Разница в основном состояла в том, что Колчак хотел восстановить Российское государство на основаниях, по возможности близких к его вековым традициям, чтобы не было разрыва в историческом развитии. Большевики же на первое место ставили свои социалистические эксперименты. И слишком большое развитие получили у них карательные органы.

Борьба с «атаманщиной» во всех ее видах, за восстановление государственности — такова была главная задача народов России в те годы. К сожалению, решение ее затянулось из-за отсутствия внутреннего согласия о вариантах государственности.

Колчак прожил необыкновенную жизнь, полную борьбы, увлечений, стремлений и разочарований. Отчасти — вследствие бурного характера той эпохи, а с другой стороны — благодаря личному своему темпераменту.

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир²¹.

Трагически закончился для Колчака этот разговор с «всеблагими», этот бесстрашный вызов Судьбе. Но античная трагедийность его жизни и античные черты его образа всегда будут привлекать внимание будущих поколений. Настоящая книга — лишь бледное отражение жизни этого замечательного человека.

Работа выполнена в Институте российской истории РАН (Москва) и Центре славянских исследований университета Хоккайдо (Саппоро, Япония). В сборе материалов для книги принимал участие кандидат исторических наук О. В. Ратушняк (Краснодар). В оформлении книги использованы открытки из собрания П. Д. Цуканова (Москва).